

Title	?
Author(s)	,
Citation	Acta Slavica Iaponica, 29, 1-26
Issue Date	2011
Doc URL	http://hdl.handle.net/2115/47626
Type	bulletin (article)
File Information	ASI29_001.pdf

[Instructions for use](#)

Articles

«Идеальный колхоз» в советской Средней Азии: история неудачи или успеха?¹

Сергей Абашин

Джеймс Скотт в книге «Благими намерениями государства» (в английском варианте “Seeing Like a State”) рассматривает планы советской коллективизации 1930-х годов как один из вариантов («чрезмерно мускулистая версия») идеологии высокого модернизма, который довел веру Нового времени в науку, прогресс и возможность на этой основе рационализации и стандартизации государственного управления до наиболее экстремальных и масштабных попыток вмешательства в общественную жизнь и ее перестройки.² Однако «государство оказалось неспособным реализовать свою мечту о больших, эффективных, научно организованных хозяйствах, производящих высококачественную продукцию для рынка».³ Созданные усилиями государственной инженерии социальные конструкции были, как считает Скотт, нежизнеспособны и терпели неудачу, потому что не могли учесть всего многообразия и сложности форм приспособления экономики к реальным условиям существования, к веками выработанным приемам выживания. Схематические проекты, внедренные в ткань социальных отношений, имели своим побочным эффектом возникновение неподконтрольных, «теневых» зон, отношений, трущоб, на которые государство вынуждено было закрывать глаза для того, чтобы продолжать верить в свои утопические мечты.

Скотт не является историком советского времени. Однако я ссылаюсь на его работу для того, чтобы понять, каким образом популярные и часто цитируемые авторы, которые пишут о современном государстве и модернизации, видят советский случай и включают его в анализ более широкого контекста исторических процессов. С точки зрения Скотта неудача советских реформ – это лишь один из ярких примеров провала вы-

1 Полевые и архивные исследования, использованные при подготовке статьи, проводились в 1995–1998 годах при поддержке Wenner-Gren Foundation. Работа с материалами этого исследования проводилась в 2009 году в Slavic Research Center Университета Хоккайдо. Я выражаю благодарность за замечания и комментарии, сделанные при подготовке данного текста, проф. Кимитакэ Мацузато и анонимным рецензентам.

2 Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005 (английский оригинал был опубликован в 1998 году). Подробно о коллективизации см. главу 6 (С. 307–353).

3 Там же. С. 338.

сокого модернизма как глобального европейского или западного проекта, частью которого была советская трансформация. Далеко не все историки согласны таким образом «нормализовать» советскую историю и рассматривать ее как один из вариантов перехода к «современности»,⁴ хотя большинство из них, особенно экономисты, соглашается с исходным тезисом Скотта о тупике советского колхозного «эксперимента». Наглядным подтверждением этому тезису предстает крах режима и распад СССР в 1991 году, после которого ход событий в советское время оказался окончательно замкнут в рамки телеологического взгляда изначальной обреченности коммунистических реформ.

Мнение Скотта об изначальной «неудаче» модернизма вызвало критику у его оппонентов.⁵ Для меня же как историка и антрополога, занимающегося Средней Азией, методологически незавершенным и проблематичным выглядит тезис о «тупике» или «неудаче» советских реформ.

Во-первых, нетрудно заметить, что и Скотт и многие другие, кто делает выводы о советском времени в целом, пишут в основном о сталинской эпохе и странным образом игнорируют постсталинское время, уделяя ему в лучшем случае «послесловие» или «заклочение» с общими замечаниями. Распад СССР, в котором воплотилась «неудача» советского строя, легко логически вывести из политики масштабных репрессий и сопротивления им, пусть даже «оружием слабых», что делает Скотт в своей книге, сосредотачиваясь на анализе минусов советских колхозов. Значительные же трансформации 1960–1970-х и даже 1980-х годов, произошедшие при заметном смягчении режима, в эту схему явно не вписываются и попросту оставляются за скобками.

Во-вторых, обращает на себя внимание, что примеры и иллюстрации, которые приводит Скотт, касаются только аграрного развития в европейской (реже сибирской) части России. Тот факт, что СССР представлял собой очень неоднородное пространство с разными исходными условиями, с разной динамикой развития процессов и разными результатами в отдельных его регионах, почему-то редко замечается и становится предметом специального изучения. И хотя сам Скотт исходит из посылки, что высокий модернизм везде имеет схожие основания и схожую логику действия, для меня такое невнимание к разнообразию эффектов модернистского

4 О такой «нормализации» пишет, например, историк Коткин: S. Kotkin, "Modern Times: The Soviet Union and the Interwar Conjunction," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 2:1 (Winter 2001). Правда, этот автор видит изменения не столько как приложение неких неизбежных законов, сколько как результат, возникающий из конкретно-исторических ситуаций – столкновения разных сил внутри и между странами.

5 См., например: F. Cooper, *Colonialism in Question: Theory, Knowledge, History* (Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2005), pp. 140–142.

проектирования выглядит опять же как осознанное или неосознанное желание подогнать факты к заранее заданной схеме.

Третьей моей претензией к Скотту (и многим другим критикам советского строя) является сведение в конечном итоге темы «успешности» коллективизации к экономическим показателям. При этом вопросы долгосрочной трансформации инфраструктуры и систем коммуникации, разного рода институтов, связанных с социальной сферой, образованием и здравоохранением, культурным производством, идентичностью и практиками игнорируются или недооцениваются. Такое пренебрежительное отношение к вопросу, как экономические реформы сопровождались изменениями в других сферах, связано, конечно, с сильным влиянием на исторические оценки разного рода экономических школ и отсутствием понятных критериев включения в эти оценки таких плохо калькулируемых в цифровом виде реалий, как социальные и культурные ресурсы.

Наконец, в-четвертых, исследуя жизнь в локальных сельских сообществах бывшей советской Средней Азии, я сталкиваюсь повсеместно с совершенно другой – скорее положительной – оценкой советского прошлого и личных биографий, вписанных в это прошлое. Можно было бы сказать, что ностальгия по СССР является своеобразной реакцией на тяжелый кризис, в котором происходили распад прежней огромной державы и становление новых, иногда совершенно неготовых к самостоятельному существованию, небольших стран. Но это было бы только половиной правды. Индивидуальные истории об успешной карьере, социальной мобильности, социальной защищенности невозможно изобрести, если для этого никаких оснований. У людей действительно были стабильность, предсказуемость, надежды и планы на будущее, энтузиазм, даже если теперь все это можно назвать иллюзиями. И эти представления людей о самих себе и своей жизни тоже, безусловно, должны быть включены в исследовательский анализ советской эпохи.⁶

Разумеется, я не ставлю под сомнение макроструктурные проблемы и сложности советской экономики и советского общества в целом и не намерен доказывать обратное. Тем не менее, мне представляется интересным посмотреть на советскую историю как бы с другого ракурса, с точки зрения изменений, которые произошли в жизни отдельного сообщества и конкретных людей под влиянием советских реформ. Здесь любопытным образцом является исследование, которое провела антрополог К. Хэмфри в одном бурятском колхозе еще в 1970-е годы.⁷ У нее речь шла не о

6 См. главу 1 в книге: A. Yurchak, *Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation* (Princeton University Press, 2005).

7 C. Humphrey, *Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983). В 1998 эта книга была переиздана с добавлением приложения, в котором говорилось о постсоветских трансформациях бурятских колхозов: C. Humphrey, *Marx Went Away – But Karl Stayed Behind* (Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998).

фатальной обреченности колхозной экономики, а напротив – об устойчивости и «присвоении» колхозных институтов местным обществом через включение отношений обмена и перераспределения ресурсов через родственные и другие неформальные каналы и иерархии в колхозные институты.⁸ Я хочу также обратить внимание на серию антропологических исследований процесса деколлективизации, который происходил в 1990-е годы в Средней Азии⁹: в них можно увидеть, насколько глубоко колхозная система срослась с местным образом жизни, представлениями людей о «нормальности» социальных порядков, как тесно переплелись индивидуальные и семейные стратегии с колхозными экономическими и социальными структурами.

Вместо доказательства неизбежности краха советского «эксперимента» я хочу обратить внимание на другой аспект – на те структурные изменения, которые в результате советской политики происходили в Средней Азии, и на трансформации всего социального ландшафта под влиянием этих изменений. Вместо вопроса об экономической и политической эффективности той модели социальной инженерии, которая осуществлялась в регионе, меня интересует вопрос о том, какие институты эта модель внедрила в общество, какие отношения и практики поведения в результате возникли и какими стали люди в заданных рамках.

Эта задача требует, на мой взгляд, «спуститься» с макроанализа к микроанализу локальной ситуации и локальных событий. Я собираюсь кратко, насколько позволяют размеры одной статьи, рассказать об истории одного колхоза в советской Средней Азии как истории воплощения модернистских проектов и как истории изменения повседневной жизни людей, появления новой экономики и новых институтов управления. Речь пойдет о кишлаке Ошоба, который расположен в Аштском районе Ленинабадской (ныне Согдийской) области Таджикистана – в прошлом Таджикской Советской Социалистической Республики. Ошоба всего за несколько десятилетий превратилась из небогатого селения, существующего в малодоступной и плохо контролируемой горной окраине, в крупнейшего производителя хлопка, стремительно осваивающего новые

8 О похожей «гибридности» колхозного сообщества в Средней Азии пишет Д. Кандиоти: D. Kandiyoti, "Modernization without the Market? The Case of the 'Soviet East'," *Economy and Society* 25:4 (1996); D. Kandiyoti, "How Far Do Analyses of Postsocialism Travel? The Case of Central Asia," C. M. Hann, ed., *Postsocialism. Ideals, Ideologies and Practices in Eurasia* (London, New York: Routledge, 2002); D. Kandiyoti, "Post-Colonialism Compared: Potentials and Limitations in the Middle East and Central Asia," *International Journal of Middle East Studies* 34:2 (2002), pp. 279–297.

9 См., например: R. Zanca, "Representation of an Uzbek Kolkhoz: An Ethnographic Account of Postsocialism." PhD. dissertation (Urbana: University of Illinois, 1999); T. Trevisani, "Rural Communities in Transformations: Farmers, Dehqons and the State in Khorezm," P. Sartori and T. Trvisani, eds., *Pattern of Transformation In and Around Uzbekistan* (Diabasis, 2007), pp. 185–215.

географические и социальные пространства. Судьбы тысяч людей оказались повседневно связаны тысячами нитей с колхозной экономикой и местные жители, которые поначалу воспринимали колхоз как механизм эксплуатации и подавления, спустя десятилетия видели в нем неотъемлемую часть собственного общества. Какие перемены привели к такому итогу?

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Установление советского военного и политического доминирования в Средней Азии в 1920-е годы привело к осознанию новой задачи – получение экономической выгоды. Царская империя, напомним, решала эту задачу через сбор налогов, основными расчетными показателями которых были размер обрабатываемой площади и средняя урожайность. Большевики же стремились поставить под государственный учет производство и поставки реальных объемов продукции.¹⁰ Эта задача имела прежде всего вполне прагматическую цель максимального присвоения ресурсов, но и отражала одновременно идеологические установки большевиков, которые надеялись с помощью активного государственного вмешательства в экономику осуществить социальные и технологические реформы в обществе.

Контроль за продукцией требовал от государства применения новых механизмов управления. В конце 1920-х годов вышестоящая власть ввела порядок заключения договоров (контрактация¹¹), по которым крестьяне были обязаны продавать часть урожая государственным закупочным организациям по фиксированным ценам (хлопок продавался весь). Колхозы создавались как более эффективный, нежели контрактация, инструмент для контроля за урожаем и другими ресурсами.

Коллективизация в Ошобе происходила с некоторым отставанием от общесоветских темпов. Только в 1933 году, как вспоминают очевидцы, в кишлак приехал чиновник из районного земельного отдела, он первым попытался организовать колхоз, собрал на площади местных жителей и предложил им создать совместное хозяйство. Тогда из толпы вышел старик Каюм по прозвищу «солдат» и, выругавшись матом, сказал, что в соседнем селении создали колхоз и все там стали бедными. Чиновник уехал ни с чем. После этой неудачной попытки в районный комитет комсомо-

10 Идея государственного контроля за поставками зерна зародилась до прихода большевиков власти [см.: P. Holquist, *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002)].

11 F. D. Holzman, *Soviet Taxation: The Fiscal and Monetary Problems of a Planned Economy* (Cambridge: Harvard University Press, 1962), pp. 161–162; M. Lewin, *Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization* (Evanston: Northwestern University Press, 1968), pp. 268–269.

ла вызвали ошобинских комсомольцев и дали им задание организовать колхоз. Комсомольцы забрали себе несколько участков в селении, сказав хозяевам этих участков «хотите – вступайте в колхоз, не хотите – уходите с земли». Так возник первый ошобинский колхоз «Буденный», в котором числилось всего 25 человек. Вначале в колхозе было 6 ишаков и 2 быка, чтобы пахать землю. Колхозники работали и складывали урожай в один амбар, а потом каждый работавший забирал свою долю урожая, которая соответствовала наработанным трудодням – государству в первые годы своего существования колхоз ничего не отдавал.

Постепенно число колхозников увеличивалось. В 1934 году возник второй колхоз с грозным названием «НКВД». Оба колхоза – «Буденный» и «НКВД» – располагались в самой Ошобе. Их правления были в центре селения, недалеко друг от друга. Кто-то вспоминал, что земли колхозов находились чересполосно, а кто-то – что по разным сторонам речки, протекающей через Ошобу. «Буденный» был крупнее, его земли поливались 5–6 дней, тогда как земли «НКВД» – 2–3 дня, впрочем, судя по колхозным отчетам, разница была не такой уж большой.

Еще два колхоза были образованы не в самой Ошобе, а в выселках, где жили ошобинцы. Колхоз «Социализм» возник в выселке Гарвон. Это был сравнительно небольшой колхоз, он владел примерно половиной орошаемых земель по сравнению с «НКВД» или с «Буденным». Еще один небольшой колхоз «Литвинов», позднее переименованный в «22-ю годовщину Октября», располагался на землях другого выселка Аксинджат.

Всего в 1935 г. в сельсовете «Ошоба» было 4 колхоза, 464 колхозных дворов и 135 дворов единоличников. В 1936 г. число колхозных хозяйств увеличилось до 528, единоличных, соответственно, уменьшилось – до 90.¹² В отличие от многих других регионов, где коллективизация в основном завершилась к середине 1930-х годов, население Ошобы полностью превратилось в колхозников только к концу десятилетия. Причины такого опоздания связаны с тем, что кишлак находился в стороне от основных коммуникаций, контроль за местной жизнью был слабый, к тому же об ошобинцах, которые активно участвовали в басмаческом движении,¹³ шла слава враждебно настроенных к советской власти людей.

Еще одной немаловажной причиной отставания реформ в Ошобе являлось то обстоятельство, что в предгорье и частично в горных ущельях, где кишлак располагался, ячмень и пшеница были основными сельскохозяйственными культурами. Другими отраслями местной экономики

12 Филиал Ходжентского (Согдийского) областного архива (ФХОА), ф. 117, оп. 1, д. 15: Статистический отчет о массовой работе сельсовета в 1935 году (лист 16); Статистический отчет о работе сельсовета в 1936 года (лист 59).

13 История гражданской войны в Узбекистане. Т. 2. Отв. ред. Х.Ш. Иноятов. Ташкент: Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1970. С. 286; Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент: ШАРК, 2000. С. 180–181.

было садоводство, овцеводство, козоводство и ткачество. Для власти, озабоченной прежде всего развитием хлопководства в Средней Азии, такого рода ресурсы представляли второстепенный интерес.

Система управления колхозом в 1930–1940-е годы была довольно простой: председатель (раис), его заместитель (мовун), ревизор, бухгалтер, главный табельщик, амбарщик-завхоз, а также бригадиры и табельщики, заведующие фермами. Раис определял самые общие решения и раздавал указания нижестоящим работникам. Мовун подменял раиса в случае необходимости, а также отвечал за какое-нибудь одно важное направление работы. Бухгалтер вел все финансовые дела и оформлял отчеты, главный табельщик следил за расчетами с колхозниками. Амбарщик вел учет урожая и материальных ресурсов. Обязанностью колхозного ревизора, который формально избирался колхозным собранием, было определить, какой примерно на том или ином участке будет в текущем году урожай, и подтвердить те итоги, которые объявлялись колхозным начальством.

Ключевой фигурой в колхозе был председатель, о котором можно сказать, что он имел двойственную лояльность: с одной стороны, он представлял советскую власть в отношениях с крестьянами, с другой стороны – он был частью крестьянского мира.¹⁴ Властный ресурс председателя колхоза в те годы состоял в том, что все колхозное имущество и вся произведенная продукция находилась в его распоряжении. Раис имел право продавать имущество и излишки урожая, а также имел право покупать для колхоза необходимые вещи, что открывало большие возможности для манипуляции с ценами, которые были в реальности и которые заносились в отчеты. Кроме того раис мог не отражать часть имущества и часть урожая вовсе в отчетах и тогда оно оказывалось в его фактической собственности, которой он распоряжался полностью по своему усмотрению. Разумеется, это были незаконные и весьма рискованные операции, поэтому от раиса требовалось умение создавать взаимовыгодные отношения со всеми теми в кишлаке и за пределами кишлака, кто мог обеспечить их прикрытие. Какую-то часть имущества и продукции раис оставлял в фактическом пользовании рядовых колхозников, какую-то – мог передавать в распоряжение бригадиров, заведующих ферм, завхоза и других колхозных чиновников, какие-то операции он мог проводить при участии жителей других селений и районного начальства. Все это создавало взаимные обязательства и взаимную лояльность.

Председатель колхоза находился в непрестом положении, поскольку должен был отвечать многим и очень разным ожиданиям и интересам. Игнорирование интересов тех или иных колхозников могло быть очень

14 О двойственном характере этой должности см.: *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 208–221; N. H. Ohr, "Collective Farms and Russian Peasant Society, 1933–1937: The Stabilization of the Kolkhoz Order." PhD. dissertation (Stanford University, 1990), pp. 182–272.

дозированным, так как, перейдя некую меру, раис мог вызвать волну возмущений и даже конфликтов. Конфликт с вышестоящими органами власти также грозил ему неприятностями, так как председатель колхоза был слабой фигурой, не имеющей легальных средств защиты. По-видимому, главным умением раиса должно было правильно расставить акценты в отношениях, скрыть какую-то информацию, соблюсти определенные границы дозволенного, наладить рычаги воздействия на людей. Далеко не всем это было под силу, тем более что правила игры и ожидания все время менялись. В 1930-е годы многие новоизбранные раисы недолго оставались в своей должности и перемещались либо на роль заместителя, бригадира или даже простого колхозника.¹⁵ Впрочем, примерно с конца 1930-х годов председатели колхозов «НКВД» и «Буденный» – Давлат Искандаров и Бободжон Юлдашев – сохраняли свои должности почти на протяжении 10 лет. Стабилизировал ситуацию тандем с председателем сельсовета и созданная более широкая сеть родственных и дружеских связей.

Колхозная экономика в 1930–1940-е годы

Важной функцией колхоза было предоставлять ежегодные отчеты, в которых по стандартной классификации надо было описать все основные результаты деятельности. На первый взгляд, такое «открытие» себя вышестоящему руководству было одним из наиболее ответственных моментов, поскольку правильная отчетность была гарантией от обвинений и демонстрацией успехов. Правда, надо сказать, многочисленные отчеты, которые я просмотрел в архивах, были заполнены очень формально, иногда даже небрежно. Это отражает, видимо, обратную сторону процесса бюрократизации – количество цифр стало таким большим, что их невозможно было контролировать, а значит и заполнение бумаг превращалось в рутину. Хочу еще обратить внимание, что данные колхозных отчетов не всегда расшифрованы, классификационные рубрики с годами претерпевали изменения и новые часто не соответствовали прежним и, наконец, информация этих отчетов нередко не совпадает с информацией других служб и ведомств. Это, с одной стороны, затрудняет работу со статистикой, с другой, доказывает, что эта статистика не преследовала своей целью отражение реальности, а была сама предметом определенной политики в данный момент и в данном месте. Тем не менее, я не стал бы недооценивать саму рутинную процедуру статистической отчетности, которая приобрела тотальный масштаб и которая представляла собой новую практику власти, вырабатывающую единообразный язык объяснения экономических задач, успехов и достижений, ошибок и преступлений.

15 См. также: Ohr, "Collective Farms," pp. 203–204.

Табл. 1. Колхоз Буденный в 1939 и 1949 гг.¹⁶

	1939	1950
общая площадь посевов	194,1 га	?
озимые зерновые	135 га	87,5/104 га ¹⁷
яровые зерновые	15 га	
технические	-	48,1 га
из них хлопок	4	35 га
крупный рогатый скот	56	166
из них коровы		43
овцы	50	573
козы	-	4446
верблюды	105	-

Табл. 2. Колхоз НКВД в 1939 и 1950 гг.¹⁸

	1939	1950
общая площадь посевов	187,5 га	?
озимые зерновые	165 га	90,2/43 га ¹⁹
яровые зерновые	22,5 га	
технические	-	44,4 га
из них хлопок	2 га	35 га
крупный рогатый скот	13	128
овцы	10/25	140
козы	207	3891
верблюды	62	-

Табл. 3. Колхоз Социализм в 1939 и 1950 гг.²⁰

	1939	1950
общая площадь посевов	90 га	?
озимые зерновые	25 га	44/34 ²¹
яровые зерновые	10 га	
технические	-	8,5 га
из них хлопок	-	-
крупный рогатый скот	10	48
овцы	1	15
козы	1	1338

16 Ходжентский (Согдийский) областной архив (ХОА), ф. 51, оп. 2, д. 17: колхоз Буденный: годовой отчет за 1939 год; ФХОА, ф. 124, оп. 1, д. 21 (лист 1-6): годовой отчет колхоза Буденный за 1949 год.

17 Зерновые-бобовые (поливная/богарная).

18 ХОА, ф. 51, оп. 2, д. 17: годовой отчет за 1939 год; ФХОА, ф. 124, оп. 1, д. 29 (лист 1-7): годовой отчет колхоза НКВД за 1950 год.

19 Зерновые-бобовые (поливная/богарная).

20 ХОА, ф. 51, оп. 2, д. 15: годовой отчет за 1939 год колхоза «Социализм»; ФХОА, ф. 124, оп. 1, д. 32 (лист 1-6): годовой отчет колхоза «Социализм» за 1950 год.

21 Зерновые-бобовые (поливная/богарная).

Табл. 4. Колхоз 22-я годовщина Октября в 1939 году²²

общая площадь посевов	81
озимые зерновые	30 га
яровые зерновые	27 га
технические	–
крупный рогатый скот	19/19
овцы	37
козы	490

Табл. 5. Данные о земельных угодьях в 1949 году²³

	НКВД	Буденный	Социализм	22-я годовщина Октября
всего земель с оросительной сетью (га)	156,63	176,75	85,70	239,13
из них пашня	114,5	121,73	79,02	151,12
зерновые	67,9	48,72	47,07	18,02
технические (хлопок)	39 (35)	53,01 (40)	21,55 (15)	122 (110)
картофель	0,6	4	1,4	
овощи-бахча	3,5	1,6	1,58	5,10
кормовые	3,5	14,5	7,5	6
сады и прочее	13,38	19,43		10,05
естественные сенокосы		8		7
приусадебные участки рабочих-служащих	28,75	25,84	6,68	10,96
засоление и заболачивание		1,65		
				60

Рассматривая колхозные отчеты (табл. 1–5), можно сделать несколько наблюдений об экономике ошобинского общества в 1930–1940-е годы (не забывая, конечно, о том, что статистика отражала далеко не полную действительность).

Во-первых, официально учитываемые орошаемая и обрабатываемая площади вокруг самой Ошобы к концу 1940 годов несколько увеличились. Данные 1929 года, т.е. накануне коллективизации, говорят, что в сельском совете числилось 390 га поливной земли, из них около 280 были под посевами, около 50 – садами и виноградниками, чуть больше 15 га – под усадьбами. В 1949 году ошобинские колхозы занимали около 660 га. Из них пашней были охвачено 420 га, садами – чуть больше 40 га, усадьбами – чуть больше 70 га. Общее количество земли у Ошобы выросло по сравнению с 1929 годом благодаря проведению в 1939–1940 году Северно-Ферганского канала и передаче на баланс одного из ошобинских колхозов «22-я годовщина Октября» около 200 га в бывшей степной части Аштско-

22 ХОА, ф. 51, оп. 2, д. 15: годовой отчет за 1939 год колхоза «22-я годовщина Октября».

23 ФХОА, ф. 132, оп. 1, д. 17: отчет о наличии орошаемых земель на 1 августа 1949 года. лист 34–37.

го района. Как видно из отчетов, колхозы в 1949–1950 годах засеивали также богарные земли, хотя урожаи там были небольшими.

Во-вторых, на протяжении 1930–1940-х годов основными посевными культурами оставались пшеница, ячмень и просо. Однако в 1949 году ведущей культурой стал хлопок, который в основном выращивался на новых землях колхоза «22-я годовщина Октября».

В-третьих, из колхозных отчетов мы видим, что к 1949 году произошел рост в разы численности крупного рогатого скота, овец и коз, лошадей (только верблюдоводство исчезло вовсе), причем самым впечатляющим выглядит рост поголовья коз – примерно с 500 до 10–11 тыс. голов. Это было связано не с увеличением поголовья, а с тем, что государству удалось добиться легализации уже существующего скота, который местные жители, при участии местной же власти, предпочитали до этого скрывать от учета.

В-четвертых, интересны данные об урожае, поставках и бюджете колхозов за 1939 год (правда, я не могу сказать точно, был ли этот год типичным). Мы видим, что основное распределение урожая зерновых было следующим: около 30–40% – оставалось на семена и фураж, примерно 25–30% сдавалось государству, 10–20% – распределялось на трудодни. Около 40% урожая технических культур продавалось на колхозном рынке (видимо, лен и сафлор), чуть меньше 30% было сдано государству, в том числе по государственным заготовкам (видимо, хлопок), остальное оставалось на семена. Колхозы также продавали на колхозном рынке картофель и овощи. Наибольший же приход (более 50%), согласно смете, приносили колхозам садовые культуры.

Если суммировать все это, то можно сказать, что основной задачей колхозов в 1930-е годы было установление государственного контроля за производством и поставками зерна. Именно этот вопрос находился на первом месте в отчетах и именно с ним были связаны все основные переговоры колхоза с вышестоящими инстанциями – о посевной площади, о планах заготовок, о цене и т.д. Государственный контроль здесь принимал форму политического, пропагандистского, а порой и насильственного давления. Другие отрасли местной экономики – животноводство, садоводство и овощеводство, домашние промыслы представляли меньший интерес, поэтому контролировались слабее, либо даже вовсе не контролировались, что позволяло жителям Ошобы переключить на них свои экономические стратегии.

Однако эта ситуация не оставалась неизменной. Государство пыталось переориентировать зерновое производство на хлопковое – хотя у Ошобы не было земель, имеющих достаточное количество воды и температурный режим, пригодные для хлопководства, эти попытки продолжались и колхозы вынуждены были искать какие-то варианты и в крайне неблагоприятных условиях осваивать и поддерживать хлопковую отрасль. К концу 1940-х годов мы уже видим эту тенденцию – переориентация на хлопок – довольно отчетливо.

ИДЕАЛЬНЫЙ КОЛХОЗ

Работая рядом с кишлаком на знакомых им землях, буквально вчера еще находившихся в их личной собственности, крестьяне могли даже не сильно ощущать произошедшие после коллективизации перемены – их повседневный и посезонный график труда не изменился и, видимо, они продолжали обрабатывать те же участки, которыми владели и которые формально передали колхозу. Однако колхоз задумывался не только как инструмент аккумуляции и перераспределения материальных и людских ресурсов. Это был еще и идеологический проект, механизм трансформации социальных отношений и личности. Колхоз виделся как новый тип сообщества, новый тип рационального (и научного) устройства, в котором социальная жизнь находится в полной гармонии с экономической. Это сообщество можно чинить и настраивать на выполнение нужных функций, его можно бесконечно усовершенствовать и улучшать, результаты его деятельности можно предсказывать и планировать.

Такой «идеальный колхоз» мы находим в проекте орошения Аштского района, который появился в 1940 году²⁴:

Орошение части Аштской степи, новая организация территории ее, освоение новых земель, переселенческие мероприятия, организация новых культурных хозяйств [хозяйственно-жилых центров] и колхозов, ведение севооборотов, улучшение агротехники, увеличение объема тракторных работ и организации МТС, улучшение организации труда и увеличение урожайности всех с/х культур (...) должен безусловно изменить облик осваиваемых земель и сделать жизнь колхозников культурной и зажиточной

По изложенному проекту было предусмотрено создание 9 колхозов с проектной площадью от 200 до 400 га. В основе проектирования земельной площади колхоза были: выделение прямоугольной компактной земельной площади в одном массиве, полная увязка границ с проектной оросительной и дренажной сетью, наличие у каждого колхоза своего самостоятельного отвода. Таким образом, каждый новый колхоз должен был представлять собой, по замыслу, единую экономическую территорию со своими границами и самостоятельной оросительной системой. Такими же самостоятельными должны были быть бригады:

Каждый бригадный участок располагается компактно в одном месте и представляет из себя единый земельный массив с самостоятельным од-

24 ФХОА, ф. 16, оп. 1, д. 10: НКЗ СССР – Главводстрой: Технический проект орошения Аштского района Таджикской ССР. 1940 год, Ташкент. Пояснительная записка проекта организации территории и ирригационной сети Аштского района (на площади 2700 га нетто самотечного орошения из СФК). Руководитель проекта Манохин, составители – агроном-экономист Бородай и инженер Гречушкин. Любопытно, что проект разрабатывался ташкентскими специалистами, хотя речь шла о Таджикистане.

ним или двумя оросителями. Участки разных бригад (...) должны быть расположены примерно на одинаковом расстоянии от хозжилцентра колхоза

В 5 колхозах «хозжилцентры» строятся заново – в середине земельного массива, в 3 колхозах – переустраиваются с использованием старых селений Джар-булак и Кырк-Кудук. В проекте было точно запланировано, сколько в каждом колхозе будет дворов (от 57 до 109), человек (от 422 до 607), трудоспособных колхозников (от 109 до 380), предусмотрена земельная нагрузка на каждый колхозный двор (в среднем от 2 до 4 га земли) и на каждого трудоспособного (от 1 до 1,5 га земли; в том числе по хлопку около 0,8–0,9 га земли). Было запланировано выделить земли – 0,15 га – на приусадебный участок и 0,001 га под строение. Проектировщики спланировали, что в июне-июле и сентябре-ноябре на хлопке нагрузка должна составлять 1,16 человек на 1 га (при необходимых 0,73), были также высчитаны количество и виды скота в колхозном и личном секторе, нормы шелководства и прочее. Такого рода расчеты подразумевали, конечно, что условия жизни и трудовые качества всех жителей «идеального колхоза» будут равными и они будут одинаково успешно справляться со своими обязанностями.

По плану в 1941–1942 годах предполагалось переселить в новые колхозы из Ошобы 27 хозяйств (колхоз «Буденный»), 20 хозяйств (колхоз «НКВД»), 18 хозяйств (колхоз «Социализм»), 57 хозяйств (колхоз «22-я годовщина»). Из жителей колхозов «Буденный», «НКВД», «Социализм», а также колхоза «Кзыл-Чорва» Кырк-Кудукского сельсовета планировалось образовать колхоз № 6, из жителей колхоза «22-я годовщина Октября» – колхоз № 3.

Вот как, в частности, расписывали проектировщики «колхоз № 3», который должен был целиком комплектоваться переселением на новые земли колхоза «22-й годовщины Октября», состоящего из 57 хозяйств. Новый колхоз должен был включать 209,32 га валовой площади, 46,29 га негодной земли, 57 хозяйств, 422 человека, 159 трудоспособных. Это должно было составить 3,45 га нагрузки на двор, 1,18 га – на одного трудоспособного колхозника (в том числе 0,87 га – хлопок). 185,10 га поливной площади должны были распределиться следующим образом: 9,92 га – приусадебные участки, под «хозжилцентр» – 20,2 га, под хлопок 141,88 га, под рис 22,82 га.

В «колхозе № 3» должно было быть 3 бригады (46, 47, 48 га земли). В колхозе предполагался 9-польный хлопково-люцерновый севооборот, поэтому число бригад должно быть кратно 3. Из-за большой засоленности земли предлагалась менее напряженная схема севооборота по хлопку (4 поля хлопка – 3 поля люцерны – 1 поле прочих культур: 50% – 37,5% – 12,5%). В каждой бригаде должно было быть 3–6 звеньев (тоже кратно 3) по 8–10 человек:

во всех вновь организуемых колхозах с введением севооборота будут существовать постоянные полеводческие бригады с постоянным составом трудоспособных. Это несомненно укрепит трудовую дисциплину (...), создаст нормальную равномерную трудовую нагрузку, повысит ответственность (...) за выполнение норм выработки, а стало-быть, создаст стимул к повышению урожайности (...) культур, увеличению доходности колхозов и улучшению зажиточной и культурной жизни

Рациональное (научное) устройство экономики, производительность труда, выполнение планов, полная подконтрольность всех процессов – вот основные элементы проекта «идеального колхоза». Проектировщики, конечно, не забыли социальную и культурную сферы. В каждом «хозжилцентре», по их замыслу, должны были быть ясли, детсад, школа, клуб, парк, правление колхоза, чайхана, баня и сельсовет. Этот набор, исключая полностью религиозные институты и заменяющих их светскими, «современными» (и я бы добавил «европейскими») формами проведения досуга, отражал представления власти о том, как должна была бы выглядеть бытовая и повседневная жизнь местного населения. В любом случае тщательно разработанный и подготовленный к воплощению план создания новых колхозов вырабатывал новую перспективу взгляда не только на экономику, но и на общество, на людей, подразумевал не только изменение технологии производства, но всех циклов и ритмов повседневной жизни, пространственного размещения и передвижения.

В 1939 г. в Аштский район был проведен Северно-Ферганский канал. На заново орошенных землях был образован, как и планировалось, колхоз «22-я годовщина Октября», куда переселились жители выселка Аксинджат – прежний колхоз был расформирован, а его земли закреплены за новым колхозом. Однако у власти не было достаточно ресурсов, чтобы воплотить все планы в действительность. В результате новое селение Янги-кишлак (буквально «Новый кишлак») строилось самими людьми, нередко в нарушение линейных и симметричных форм. Участки земель распределялись в зависимости от множества личных, неформальных договоренностей. Севообороты строго не соблюдались. Хлопковая нагрузка на членов нового колхоза оказалась такой высокой, что власть вынуждена была летом и осенью отправлять ему на помощь жителей других кишлаков – в том числе Ошобы. Война 1941–1945 годов и вовсе прервала все проекты переустройства местной жизни, что можно считать доказательством в пользу тезиса Скотта о «неудаче» высокомодернистских реформ.

Укрупнение колхозной экономики

Следуя принятому в 1950 году государством указанию об укрупнении колхозов, 16 января 1951 года на общих собраниях колхозов «Буденный», «НКВД» и «Социализм» было принято решение объединиться в один колхоз «Калинин» (табл. 6). Колхоз «22-я годовщина Октября» в

него не вошел и в 1955 году селение Аксинджат, в котором сохранялись приусадебные участки и колхозные сады, вышло из состава сельсовета «Ошоба».

Табл. 6. Колхоз Калинин в 1951 году²⁵

хозяйств	548
трудоспособных	1055
земель с оросительной сетью	546,73 га
пашня под урожай	422,85 га
сады	39,81
приусадебные участки колхозников	61,91 га
приусадебные участки рабочих и служащих	2,2 га
всего земель	526,77 га
зерновые (зерновые-яровые)	262,25 га (87,35)
технические (хлопок)	109,80 (80)
картофель	4 га
овощи и бахча	4,10 га
многолетние травы	42,70

С начала 1950-х годов стал меняться не только масштаб деятельности колхозного руководства и стала не только усложняться структура управления колхозом (число бригад, звеньев, ферм), но и поменялись цели колхоза и, значит, характер самой колхозной власти. В это время происходила окончательная переориентация зерновой экономики на почти монопольное производство хлопка, для чего интенсивно орошались новые земли в бывшей степной части присырдарьинской низменности (в Епугликке и Оппоне). Вместе с освоением новых площадей и новой культуры в ошобинской экономике стали появляться специалисты со специальным образованием (агрономы и др.), а также новые технические средства. В 1950 году в Ошобе появилась своя первая машина-грузовик («полуторка») – в 1955 году их было уже 9, в 1952 году в колхозе стал работать первый трактор (присланный из МТС), в центре селения была построена дизельная электростанция.

В новой экологической нише (открытая степь, орошаемая из подземных источников и каналов) и новой экономике с новой технологией все прежние социальные связи, весь накопленный опыт управления, опыт земледелия, опыт поведения, прежние связи с вышестоящими организациями оказывались малоприспособными и подвергались существенной перестройке. Хлопок требовал больше людей и больше трудозатрат, особенно в пиковые месяцы – летом и осенью, он требовал, соответственно, большей мобилизации, стимулирования – как принудительного, так и материального. Хлопковая экономика имела все более денежный характер, так как вся, а не часть – как с зерном, произведенная продукция сдавалась

²⁵ ФХОА, ф. 16, оп. 1, д. 135.

государству, что ставило колхоз в большую зависимость от государственной политики ценообразования и благожелательности вышестоящего руководства, заинтересованного в развитии хлопководства. Все это в свою очередь требовало других стратегий приспособления, выживания или даже получения тех или иных формальных и неформальных бонусов. Ошобинцы намного позже – на несколько десятилетий – многих других селений Ферганской долины перешли к хлопковому производству, тем не менее, население предгорного кишлака быстро оказалось втянутым в эту монополию и пережило все связанные с этим последствия.

Значительно изменилась роль председателя колхоза, теперь он управлял огромным хозяйством и огромными средствами и становился единственной главной фигурой в Ошобе взамен прежних четырех. Раис большого колхоза должен был обязательно иметь партийность и хорошие отношения с районным и областным (и даже республиканским) начальством, ему необходимо было иметь достаточное образование и хорошие организаторские навыки – умение работать не с сотней близких соседей и родственников, а с сотнями и даже тысячами людей, не проявляя к ним жалости.²⁶

В 1955 году председателем колхоза «Калинин» стал Абдусами Маджидов. Сведений о нем у меня немного, так как он не был ошобинцем: вроде бы он был родом из Шайдана, но работал в Душанбе, где преподавал в Высшей партийной школе и откуда его направили в колхоз по призыву «тридцатитысячников»,²⁷ в начале 1950-х ему было около 50 лет. У него был и другой кругозор, и другой жизненный опыт, и, что немало важно, другой уровень поддержки в области и республике, нежели у всех прежних раисов Ошобы. При Маджидове, хотя он был председателем всего где-то 3 года, новые тенденции в колхозной экономике приобрели доминирующий характер: хлопок стал продукцией номер один в «Калинине», колхозники перешли на денежный расчет своего труда и началось интенсивное строительство поселка в Опшоне, куда переселялись выходцы из Ошобы и других его старых выселков для того, чтобы работать исключительно на хлопке.

Вместе с новыми официальными экономическими отношениями возникли и новые неофициальные экономические практики. Проверкой деятельности колхоза в 1957 году было выявлена «явно нездоровая практика реализации сухофруктов в городах Сибири»: некто Хакимов и Камиллов (то ли колхозные экспедиторы, то ли работники районной заготовительной конторы) вывезли в 56 году в Иркутск почти 50,2 тонн

26 Jerry F. Hough, "The Changing Nature of the Kolkhoz Chairman," James R. Millar, ed., *The Soviet Rural Community* (Urbana, Chicago, London: University of Illinois Press, 1971), pp. 103–120. Как пишет Фицпатрик, новые председатели были больше похожи на помещиков (*Фицпатрик. Сталинские крестьяне. С. 353*), правда в Средней Азии помещиков никогда не было.

27 Hough, "The Changing Nature," pp. 110–111.

колхозного урюка и почти 5,6 тонн урюка колхозников и продали его, согласно официальной справке с рынка, по 14 руб. 43 коп. за 1 кг (на общую сумму более 800 тыс. рублей²⁸); по словам проверяющих, эта сделка вызвала сомнения, так как, учитывая издержки, колхозу было бы выгоднее продать свежий абрикос местному консервному заводу.²⁹ Со слов одного моего ошобинского собеседника, реально сухофрукты были проданы по 27 рублей, а вся скрытая прибыль ушла участникам этой сделки, председателю, а также 1-му и 2-му секретарям райкома. Эта операция закончилась провалом и исполнителей отдали под суд.

В принципе такая практика – продажа колхозного движимого имущества на рынках и манипуляция с ценами – существовала и в 1930-е, и в 1940-е годы. В этом же случае важен размер таких продаж, техническая оснащенность и конечный пункт операции – все это требовало от руководителя новых навыков общения, маневра, умения скрыть свое участие в таких делах, а также неформальной поддержки самых разнообразных институтов власти, чем Маджидов, по-видимому, обладал. Мы видим, таким образом, что вместе с созданием хлопковой монополии, совершенно нового уровня технологии и социальных взаимосвязей, возникает или укрепляется параллельная (или «теневая») экономика, которая получает то же технологическое и социальное оснащение.

В 1957 году была проведена ревизия финансовой работы колхоза при Маджидове, в результате чего последнего перевели, но не осудив, на работу в другой колхоз. По рекомендации Маджидова новым председателем «Калинина» стал его парторг Имомназар Ходжаназаров.

ХОДЖАНАЗАРОВ

В 1995 году, когда я встретился с ним, Ходжаназаров по-прежнему – т.е. уже почти 40 лет! – был действующим председателем колхоза «Калинин». Это был невысокий пожилой человек с суровым и непроницаемым выражением лица, одетый в китель в сталинском стиле, подчеркивающий, соответственно, ту идентичность и те ассоциации, которые необходимы были ему в отношениях внутри колхоза (уезжая в Душанбе он одевал, надо полагать, более светский костюм и галстук). В юности работал амбарщиком в колхозе «Социализм», потом – продавцом в магазине в Гарвоне. Примерно 3 с половиной года Ходжаназаров служил в армии,

28 По данным отчета 1955 года, все доходы колхоза от растениеводства составили 948172 рубля, из них сдача хлопка государству принесла 401265 рублей, продажа (на «колхозном рынке») продукции садоводства и виноградарства – 450813 рублей (ФХОА, ф. 124, оп. 1, д. 5а: годовой отчет колхоза Калинин за 1955 год).

29 ХОА, ф. 347, оп. 1, д. 164. Материалы по учету председателей и бухгалтеров колхозов и первичные материалы по соблюдению устава сельскохозяйственной артели за 1957 г. лист 138.

где дослужился до зам. командира взвода, видимо, достаточно хорошо освоил русский язык, получил командирские навыки. Вернувшись в родной кишлак, он работал заведующим фермой мелкого рогатого скота, а при Маджидове был назначен парторгом и заместителем председателя колхоза. В 1958 году Ходжаназаров, которому было тогда 34 года, занял должность председателя колхоза.

В беседе я спросил его: «как вам удалось продержаться так долго», мой собеседник хитро улыбнулся – «я и сам не знаю». Мне еще тогда в голову пришла аналогия с республиканским руководством: в 1960-е гг. на посты первых секретарей в среднеазиатских республиках приходят новые люди – Шараф Рашидов в Узбекистане (с 1959 до 1983 гг.), Джаббар Расулов в Таджикистане (с 1961 до 1982 гг.), которые остаются несменяемыми лидерами до своей смерти и превращаются по сути в полноправных и достаточно автономных правителей. Речь идет не просто о каком-то случайном везении, а о новой политике, которая заключалась не в том, чтобы периодически ставить новых руководителей и затем, с разными интервалами, репрессировать их, как это было при Сталине, а в том, чтобы заключать негласные альянсы о лояльности, о выполнении некоторого набора взаимных обязательств и строго их придерживаться без каких-либо репрессий. Новая колхозная экономика, интегрированная в хлопковую монополию, была частью этой системы.

Ходжаназаров оказался в этой новой структуре и благодаря своим личным качествам смог воспользоваться теми возможностями, которая эта структура ему предоставила. В 1960-е годы у Ходжаназарова стали складываться тесные отношения с первым секретарем компартии Таджикистана Джаббаром Расуловым³⁰ и председателем правительства Рахмоном Набиевым.³¹ Он также многократно избирался депутатом Верховного Совета Таджикской ССР и к 1980-м годам имел разветвленную сеть деловых и личных отношений не только с районным и областным руководством, но и с республиканским и даже союзным, с которыми он мог общаться, минуя районных и областных начальников. Кроме вертикальных связей Ходжаназарову нужны были также горизонтальные связи с другими колхозами и предприятиями, с которыми он мог обмениваться ресурсами и полезными связями. В частности, среди его знакомых был Ахмаджон Одилов, председатель колхоза и затем агропромышленного комплекса в узбекской части Ферганской долины,³² который имел в свою очередь

30 Он с 1941 по 1947 гг. отвечал за сельское хозяйство в Таджикской ССР, потом до 1955 года был председателем Совета министров республик, а с 1961 года и до своей смерти – первым секретарем ЦК КП Таджикистана.

31 Почти ровесник Ходжаназарова он был с 1971 года таджикским министром сельского хозяйства, потом с 73 по 82 гг. – председателем правительства, а после смерти Расулова и до 1986 г. – первым секретарем в республике.

32 Его центр находился в Папе, который когда-то входил в Наманганский уезд и находится не более чем в 1 часе езды от Ошобы.

непосредственные связи с руководством Узбекистана.³³ Ташкентские и душанбинские связи не противоречили друг другу, а наоборот дополняли и предоставляли гораздо больше возможностей для маневра. В конце 1980-х, уже при Михаиле Горбачеве, Ходжаназаров «успел», как выразился один мой собеседник, получить звание Героя социалистического труда.

Большой Ашт

Успешная карьера и влиятельные связи Ходжаназарова имели своим источником хлопок. Как он сам рассказывал, настоящее освоение района началось в 1968 году, когда ему пришлось в голову сделать первые скважины выше Северно-Ферганского канала. За свое решение Ходжаназаров получил партийный выговор, так как никто не верил в успех такой траты денег. Однако председатель колхоза бросил на освоенный участок все силы и сумел получить там хороший урожай хлопка (табл. 7). На этот успех обратила внимание комиссия из Москвы, которая приехала в Аштский район для реанимации старого, еще с 1930-х годов рассматривавшегося, проекта орошения аштских степей и превращения их в огромную хлопковую плантацию. Сыграл ли пример «Калинина» решающую роль, как думают многие ошобинцы, или был всего лишь одним из аргументов для специалистов из «Центра» – сказать сложно, но где-то в начале 1970-х годов московским руководством был принят проект освоения «Большого Аштского массива».

Табл. 7. Паспорт оросительных систем колхоза Калинин в 1967–1970 гг.³⁴

	1967	1968	1969	1970
СФК	709	709	733	783
Ошоба-сай	462	462	462	354
Гудас-сай	177,6	177,6	177,6	120
скв № 16		35	35	50
скв № 17		35	35	50
скв № 27		30	30	50
скв № 40			30	60
скв № 41				22
скв № 34				40

Проект «Большого Ашта» предполагал сложную систему ирригационных работ, которые включали в себя «горизонтальное орошение» – с помощью мощных насосов воду забирали из Сырдарьи и гнали по ма-

33 Будучи ровесником Ходжаназарова, Одилов (Аддылов) в статусе директора Папского агропромышленного объединения, члена ЦК Компартии УзССР и депутата Верховного Совета СССР и Верховного Совета УзССР был арестован в 1984 г. в ходе так называемого «узбекского (или хлопкового) дела».

34 По данным районного УОС – управления оросительной системы (ФХОА, ф. 16, оп. 1, д. 213).

гистральному каналу вверх, откуда она затем самотеком по наклонной распределялась по аштской степи. В эту систему входили также электрические подстанции, дренажные сооружения, дороги и т.д. Все это требовало детальной предварительной разработки в специализированных институтах и больших инвестиций, в том числе создания строительных подрядных организаций.

Проект имел общесоюзный характер, поэтому его финансирование шло напрямую из центрального бюджета, а не из бюджета Таджикской ССР. Организацией, которая отвечала за него, было Главное среднеазиатское управление по ирригации и строительству совхозов (с непронимосимой аббревиатурой Главсредазирсовхозстрой) при Министерстве мелиорации и водного хозяйства СССР. Интересным был тот факт, что это управление, имея общесоюзный статус и финансирование, было расположено в Ташкенте – столице соседней Узбекской ССР, соответственно штат его специалистов состоял из ташкентских жителей и возглавлялось оно представителями узбекской элиты.³⁵

Еще одна особенность заключалась в том, что управление, как следует из его названия, финансировало совхозы (советские хозяйства), особую форму сельскохозяйственных предприятий, в которых собственность и доходы считались государственными, а не «коллективными». Колхоз «Калинин» формально не относился к этой категории и, следовательно, не имел права быть включенным в программу «Большого Ашта». Однако зная государственные планы, какие территории должны быть включены в проект, Ходжаназаров решил действовать на опережение и развернул собственное освоение части этих земель с помощью скважин. Главсредазирсовхозстрой уже не мог исключить эти земли из своего проекта и вынужден был взять на себя их финансирование, в том числе компенсацию колхозу «Калинин» уже проделанных работ. В последнем случае колхоз опять получал прямые доходы, так как нормативные расценки, по которым выплачивалась компенсация, намного превосходила реальные затраты, сделанные колхозом.

В 1980-е годы Ходжаназаров начал по своей инициативе освоение нового массива «Етти-тепа». Возможно, он имел некую инсайдерскую информацию и надеялся, что сработает прежняя схема, когда освоенные земли будут включены в планы Главсредазирсовхозстроя. Однако на этот раз союзные планы инвестиций в ирригацию были приостановлены, поэтому председатель «Калинина» вынужден был обратиться к руководству Таджикской ССР. Местные предания гласят, что Ходжаназаров отвез Расулова и Набиева – первого секретаря и предсовмина – в «Етти-тепа», показал им уже начатые работы, после чего было принято решение выделить республиканское финансирование на поддержку проекта. По

35 Последним руководителем был Исмаил Джурабеков, один из самых влиятельных людей в Узбекистане в 1990-е годы.

новому проекту вода, как и в случае «Большого Ашта», из Сырдарьи с помощью насоса поднималась наверх и орошала земельный массив, но только на этот раз насос принадлежал колхозу.

Насколько такие схемы были действительно законными и какого рода личные договоренности и лоббистские усилия стояли за ними – теперь судить трудно. Но бесспорным их результатом стало значительное расширение колхозных посевных площадей. Колхозные земли, занятые хлопком, выросли с 1955 по 1985 годы в 11 раз – с 204,7 до 2334 гектар (табл. 8). Общий же размер орошаемых территорий при максимуме водных ресурсов достиг 7 тыс. га.

Табл. 8. Годовые отчеты колхоза Калинин за 1955, 1965, 1975 и 1985 гг.³⁶

	1955	1965	1975	1985
дворов	610	946	1012	1506
человек	1631		5362	8179
трудоспособных	1138	1102	1843	2773
зерновые-бобовые	250,51 га	241 га	241 га	315 га
технические	204,7 га	555 га	1004 га	2334 га
в том числе хлопок	193,5 га	555 га	1004 га	2034 га
крупный рогатый скот	525	524	1119	1339
свиной	35		9991	
овец и коз	8309	12089	14831	14504
гусеничных тракторов			18	31
колесных тракторов			84	81
трактора-машины				11

Увеличение посевных площадей, несмотря на механизацию многих технологических процессов возделывания хлопка, требовало новых рабочих рук. Общее число занятых в колхозном производстве за те же 30 лет увеличилось примерно в 4 раза (табл. 9).

Табл. 9. Численность занятых за 1955, 1965, 1975 и 1985 гг.³⁷

	1955	1965	1975	1985
мужчин	447	469	670	928
женщин	269	337	573	834
других трудоспособных	31	5	224	537
нетрудоспособных	89	235	32	83
престарелых	–	–	241	187
подростков	10	268	131	185

36 ФХОА, ф. 124, оп. 1, д. 53а (лист 1-8): годовой отчет колхоза Калинин за 1955 год; ФХОА, ф. 124, оп. 1, д. 111 (лист 1-8): годовой отчет колхоза Калинин за 1965 год; ФХОА, ф. 124, оп. 2, д. 21 (лист 1-34): годовой отчет колхоза Калинин за 1975 год; ФХОА, ф. 124, оп. 2, д. 5 (лист 1-29): годовой отчет колхоза Калинин за 1985 год.

37 ФХОА, ф. 124, оп. 1, д. 53а (лист 1-8): годовой отчет колхоза Калинин за 1955 год; ФХОА, ф. 124, оп. 1, д. 111 (лист 1-8): годовой отчет колхоза Калинин за 1965 год; ФХОА, ф. 124, оп. 2, д. 21 (лист 1-34): годовой отчет колхоза Калинин за 1975 год; ФХОА, ф. 124, оп. 2, д. 5 (лист 1-29): годовой отчет колхоза Калинин за 1985 год.

Вместе с ростом числа занятых увеличивалась оплата их труда. В 1965 году в колхозе «Калинин» зарплата рядового колхозника-мужчины составляла примерно 600–900 рублей в год, или 50–75 рублей в пересчете на месяц, зарплата женщин – 150–300 рублей в год, или 15–25 рублей в месяц. Бригадир получал около 1400–1500 рублей в год, т.е. около 120 рублей в пересчете на месяц. В 1975 году число колхозников и интенсивность их труда значительно возросли, что было связано с освоением «Большого Ашта». Разброс размеров зарплаты стал намного больше, но в среднем колхозник получал 1200–1900 рублей в год, или около 120–160 рублей в пересчете на месяц. Председателю колхоза и другим его основным руководителям официально начислялось примерно 300–400 рублей в месяц.³⁸ К середине 1980-х годов зарплата колхозника достигла 200 рублей, что по тогдашним ценам было средним уровнем доходов и обеспечивало основные нужды.

«ИДЕАЛЬНЫЙ КОЛХОЗ» В РЕАЛЬНОСТИ?

Орошение степей и развитие там хлопководства радикальным образом изменили всю географию региона и создали новое пространство ошобинского сообщества.

Еще до появления Советской власти ошобинцы жили не только в Ошобе. Недостаток земли заставлял их искать новые территории для проживания, жители кишлака мигрировали, кто-то возвращался, а кто-то оставался на новой родине. Ошобинцы осваивали новые земли около родников и колодцев в горах, предгорьях и в степной полосе. Согласно одному из документов за 1939 г.,³⁹ 1/4 жителей «кишлачного совета», большинство из которых были ошобинцами по происхождению, значительную часть времени жила за пределами собственного кишлака Ошоба. В 1930-е годы к такой хаотической миграции добавились переселения, которые власть организовывала с целью освоения новых территорий. В 1935 г. небольшая группа ошобинцев должна была переселиться в Вахшскую долину на юге Таджикской ССР.⁴⁰ После постройки Северно-Ферганского канала в 1939–1940 году жители выселка Аксинджат и несколько семей из Ошобы были переселены в селение Янги-кишлак, которое относилось к колхозу «22-я годовщина». До 1955 года Аксинджат и Янги-кишлак оставались в составе сельского совета «Ошоба», а потом были переведены в подчинение сельсовета «Советобад».

В 1953 году было принято решение о переселении новой партии жителей Ошобы в район Северно-Ферганского канала. Речь шла о 85 хозяйс-

38 Аштский районный архив (АРА), ф. 15, оп. 2, д. 32: книга учетов и расчетов за 1975 год.

39 ХОА, ф. 377, оп. 5, д. 4, лист 1.

40 ФХОА, ф. 117, оп. 1, д. 5, лист 367.

твах.⁴¹ На месте прежней небольшой стоянки, где не было постоянного населения, стало застраиваться новое селение Опшон (Нижний Опшон), которое было подчинено сельсовету «Ошоба».

В начале 1960-х годов в состав сельсовета «Ошоба» был включен кишлак Гудас, а его жители и территории приписаны к колхозу «Калинин».⁴²

Осуществление проекта «Большой Ашт» привело, как я говорил, к освоению новых территорий в степной части Аштского района, к строительству новых поселков и новым переселениям. В конце 1960-х годов на месте небольшого селения Беш-кашпа возникло селение Верхний Опшон, куда стали переселяться выходцы из Ошобы и Гудаса, в середине 1980-х годов началось строительство нового поселка Мархамат. В бывшие степные земли переселилось к концу 1980-х годов около 800 хозяйств, более 4 тыс. человек, в основном ошобинцев, что в общей сложности превышало численность населения самого кишлака Ошоба (табл. 10). Еще один поселок было запланировано построить в районе Етгы-тепа, ближе к Сырдарье, но этот план из-за экономического кризиса был остановлен.

Табл. 10. Население по отдельным поселкам сельсовета Ошоба в 1957, 1967, 1977, 1984 гг. (хозяйств/человек)⁴³

	1957	1967	1977	1984
Ошоба	437/1845	509/2313	592/3133	666/3742
Олма	3/15	125/519	126/682	157/857
Терак		6/31	5/24	
Шевар	71/290	57/276	46/226	61/296
Кызыл-Олма		2/11		
Гарвон	39/213	46/237	14/70	
Епукли	11/61	14/76	17/90	12/73
Опшон	117/667	113/907	258/1499	332/1901
Гудас		153/681	141/750	178/936
Гудаси-боло		5/23		
Канал		3/15		
Гудас-Апшон			9/63	

Вместе с расширением территории колхоза развивалась его социальная инфраструктура. К началу 1950-х годов в Ошобе была семилет-

41 ФХОА, ф. 117, оп. 1, д. 5 (лист 367): решение Исполкома Аштского Райсовета от 9.02.1953 № 36 «О плане переселения в хлопкосеющих колхозах Аштского района».

42 В 1940-е годы здесь находился колхоз «Ким», который в 1953 году вошел в состав колхоза «Ленин», в начале 1957 года – в состав колхоза «Молотов» (переименованного позже в «Правду»), а в конце 1957 года опять выделился как колхоз «Жданов» (с 1958 года – «Комсомол»).

43 ФХОА, ф. 132, оп. 1, д. 59 (лист 32–38): справка о численности и составе населения на 1 января 1957 года; ФХОА, ф. 191, оп. 1, д. 17: акт о проверке полноты и качества регистрации родившихся и умерших за 1967 год: (лист 11); ФХОА, ф. 191, оп. 3, д. 74 (лист 3); ФХОА, ф. 117, оп. 1, д. 695: численность населения на 1 января 1983 года (лист 4).

няя школа и две начальных, а в 1980-е годы в сельском совете было шесть школ-десятилеток – 2 в Ошобе, 1 в Шеваре, 2 в Оппоне, 1 в Мархамате, одна школа-восемилетка в Олма и одна начальная школа в Гарвоне. Такую же картину можно видеть в здравоохранении: к началу 1950-х годов в кишлаке был один фельдшерско-акушерский пункт (ФАП) с единственным фельдшером-санитаром, в середине же 1980-х годов в сельсовете имелась больница с тремя отделениями (детское, терапевтическое, родильное) и 7 ФАПов во всех селениях, всего насчитывалось 103 медработника, включая 10 дипломированных врачей.

Все это старое и новое пространство, различные учреждения, между которыми перемещались потоки местных жителей, связывалось транспортной сетью с внутриколхозной асфальтовой дорогой. Предприимчивый Ходжаназаров даже добился, чтобы недалеко от Мархамата появился небольшой аэродром, откуда в 1980-е годы можно было улететь на в Ленинабад (ныне Худжанд) и даже в Душанбе.

В Нижнем Оппоне были размещены все основные инфраструктурные объекты колхоза «Калинин» – склады, автопарки, а также фермы. Там же разместилось здание правления колхоза, т.е. основной центр власти (хотя здание правления сельского совета осталось в Ошобе). Еще более грандиозными были планы в отношении селения Мархамат (в переводе буквально «Добро пожаловать»), который было задумано превратить в новый центр сельсовета «Ошоба». Здесь успели построить новые здания колхозного правления, больницы, школы, яслей, огромный клуб (мне говорили, что такого клуба нет во всей Ленинабадской области), председатель колхоза и некоторые другие руководители взяли себе личные участки и начали строительство новых домов. Селение Мархамат замыслилось как «современное» селение, с прямыми улицами и вытянутыми вдоль них участками, с типовыми, окнами к улице, домами – прямая противоположность Ошобе, где улочки застраивались по старинке беспорядочно и дома скрывались за высокими стенами.

Прежняя практика фактически насильственного перемещения колхозников в новые поселки в 1980-е годы уже не действовала, поэтому Ходжаназаров выделял переселенцам большие – по 0,15–0,20га – участки, привлекая возможностью развивать личное хозяйство. Тогда же было принято решение выделять участки в Мархамате всем тем бывшим ошобинцам, которые когда-то уехали из кишлака в другие места и теперь хотели вернуться.

Это был новый проект будущего, «идеального колхоза» или «идеальной Ошобы». Только на этот раз «идеальный колхоз» планировался не приезжими из России специалистами, а местными руководителями, выходцами из самой Ошобы, для которых воплощение проекта в реальность было собственным стремлением к развитию. И лишь очередной кризис в Москве и России на рубеже 1980–1990-х годов прервал этот процесс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очерк истории одного среднеазиатского колхоза, даже несмотря на вынужденную краткость, показывает, какие масштабные изменения за полстолетия и особенно в 1960–1980-е годы, в течение последних 30 лет советской эпохи, произошли в местной экономике и социальных отношениях.

Проследивая эти изменения, я бы хотел выделить целый ряд этапов трансформации и обратить внимание на то, что само выражение «один колхоз» – это некая условность, которая скрывает особенности этих этапов. Коллективное хозяйство с 1933 по 1991 годы неоднократно претерпевало серьезные метаморфозы, почти полностью меняло и свои размеры, и свою внутреннюю структуру, и характер своей деятельности, свои задачи. Созданные в 1930–1940-е годы в узбекском селении небольшие колхозы были экономически слабыми предприятиями, основной их целью был контроль за произведенной продукцией, в первую очередь зерна, и ее изъятие в пользу государства. Рационально организованный «идеальный колхоз» был не реальностью, а скорее утопией, которая оправдывала изъятие государством ресурсов у населения. Однако после смерти Сталина положение стало быстро меняться. В 1950–1980-е годы, с момента образования колхоза «Калинин» и до кризиса 1990–1991 годов, из горного кишлака, жители которого выращивали пшеницу и сады, Ошоба превратилась в центр огромного хлопководческого производства и строительного бума. Государственные инвестиции в ирригацию, инфраструктуру и социальную сферу позволили в разы увеличить объемы продукции с территории, где раньше была только голая степь, а также полностью изменить облик кишлака и жизнь его населения, которые приобрели очевидные внешние черты рационально организованного «современного общества» со всеми соответствующими институтами и практиками.

К такому заключению я добавил бы два дополнительных замечания. Во-первых, важно учесть, что колхозы во многих регионах России в 1950–1980-е годы развивались совсем по другой траектории: там произошло резкое сокращение населения и массовая миграция в города, в которых бывшие крестьяне и колхозники превращались в рабочих и интеллигенцию, сельская инфраструктура совершенствовалась путем создания «центральных усадеб», концентрации там оставшихся жителей и полного опустения небольших деревень. Расширяющаяся же хлопковая монополия в Средней Азии, напротив, удерживала массы людей в аграрном секторе и создавала перенаселенные территории с растущими и заново строящимися селениями и умножающимися внутренними коммуникациями. Эта разница подчеркивает, на мой взгляд, то обстоятельство, что советский проект не был единым и не производил везде однообразные эффекты и последствия – советский вариант «современности» сам включал в себя разные версии этой самой «современности».

Во-вторых, понимание того, что советское общество было гетерогенным, открывает возможность для более широкого сравнительного анализа советских реформ с тем, что происходило в других странах. Нетрудно заметить в этом случае, что описанные трансформации в Средней Азии сами по себе не носят уникальный характер и вполне сопоставимы, например, с «зеленой революцией», которая происходила в тот же период в странах Латинской Америки или Юго-Восточной Азии. Это были общие для бывших колоний и аграрных регионов изменения, которые получили название «модернизация». Отличительной чертой советского опыта такой «модернизации» было, пожалуй, форсированное развитие социальных институтов «западного» или «современного» типа, которое происходило параллельно или даже с опережением к технологическим инновациям, а также целенаправленное политическое конструирование советской идентичности и попытки уменьшить социальные диспропорции между разными частями единого государства.

Завершая статью, я еще раз повторю, что не собираюсь опровергать макроанализ советской модели, которая оказалась неэффективной и по-прежнему сохраняла или создавала заново множество различных противоречий, в том числе межрегиональных.⁴⁴ Однако этот анализ необходимо дополнить изучением последствий советской эпохи в полном их объеме, необходимо увидеть множество различных локальных, групповых и индивидуальных траекторий, которые часто включали в себя вполне удачный жизненный опыт – повышение социального статуса, накопление материального благополучия, стабильное и предсказуемое течение повседневности. То, что при взгляде из Москвы или из какой-нибудь деревни в российском Нечерноземье выглядит, возможно, как «провал» и деградация, из Ташкента и тем более из горного местечка под названием Ошоба воспринимается как история «успеха», которая закончилась вместе с распадом советского государства. Я полагаю, что эту точку зрения и этот ракурс нельзя игнорировать. Помимо вопроса о причинах краха СССР и падения советской власти безусловно весьма интересным и поучительным является вопрос о том, каким образом этой власти, несмотря на весьма короткий исторический срок своего осуществления, удавалось порой добиваться впечатляющих результатов.

44 См., например, достаточно цельный убедительный анализ экономики советского Узбекистана: *Растяпников В.Г.* Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века. М.: Институт востоковедения РАН, 1996.